

Научная статья

УДК 165.0

doi: 10.47475/1994-2796-2025-495-1-88-98

ОБ ИНВАРИАНТИЗМЕ И КОНТЕКСТУАЛИЗМЕ КОГНИТИВНЫХ СТАНДАРТОВ НАУКИ

Рустэм Альбертович Ярцев

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, gust-66@yandex.ru, 0000-0002-8044-7480

Аннотация. Целью статьи является обоснование принципа дополнительности подходов инвариантизма и контекстуализма при построении когнитивных норм, который пересматривает в сфере науки гипотезу о семантической относительности двух подходов. При этом показывается, что эпистемические стандарты их наиболее известных современных версий нарушают научные нормы веритизма, интернализма и эвиденциализма, ошибочно представляя когнитивную роль радикального скептицизма как уничтожение имеющихся знаний и вовлечение субъектов познания в «систематическую» ложь. Например, допускается исключать из доказательства те альтернативные гипотезы, которые не удовлетворяют псевдонаучному стандарту «релевантности», зависящему от действия практических факторов. В рамках критики известных концепций показывается, что силу научных доказательств нельзя ни измерять с помощью вероятностей, ни устанавливать заранее без исследования истинности, а «правило чувствительности» ни в одной из своих редакций не легитимирует для науки отклонение скептических гипотез. Кроме того, современный контекстуализм обнаруживает неразрешимую для него дилемму выбора между сопоставимостью контекстуальных стандартов ради объяснения «правдоподобия» познавательного скептицизма и отрицанием такой сопоставимости в интересах обыденного познания, а также устойчивый тренд к более широкому применению контекстно-независимых стандартов. Рассматривается место контекстно-зависимых стандартов предметной области в структуре когнитивных норм науки, реализуемых исследователем как часть предпосылочного знания, и обосновывается их дополнительный характер по отношению к инвариантным общенаучным нормам. Неопровергаемая же скептическая альтернатива в науке понимается как стандарт иной, автономной предметной области, причем область или контекст любого исследования выбираются исследователем добровольно, хотя возможность учета некогнитивных факторов при выборе всегда открыта. Так, появление альтернативной гипотезы о параллельных прямых привело, как известно, к возникновению неевклидовой геометрии: аналогично и гипотеза «быть мозгом в чане (BIV)» может найти применение в границах неэмпирической научной философии.

Ключевые слова: эпистемология, скептицизм, инвариантизм, контекстуализм, стандарт, научное познание

Для цитирования: Ярцев Р. А. Об инвариантизме и контекстуализме когнитивных стандартов науки // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 1 (495). С. 88–98. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-495-1-88-98.

Original article

ON INVARIANTISM AND CONTEXTUALISM OF COGNITIVE SCIENCE STANDARDS

Rustem A. Yartsev

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, rust-66@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0002-8044-7480

Abstract. The purpose of the article is to substantiate the principle of complementarity of invariantism and contextualism approaches in the construction of cognitive norms, which revises hypothesis about the semantic relativity of the two approaches in the field of science. At the same time, it is shown that the epistemic standards of their most famous modern versions violate the scientific norms of veritism, internalism and evidentialism, mistakenly presenting the cognitive role of radical skepticism as the destruction of existing knowledge and the involvement of subjects of knowledge in a “systematic” lie. For example, it is allowed to exclude from the proof those alternative hypotheses that do not meet the pseudoscientific standard of “relevance”, depending on the action of practical factors. As part

of the criticism of well-known concepts, it is shown that the strength of scientific evidence cannot be measured using probabilities, nor established in advance without investigating the truth, and the “sensitivity rule” in none of its editions legitimizes the rejection of skeptical hypotheses for science. In addition, modern contextualism reveals an insoluble dilemma of choosing between the comparability of contextual standards for the sake of explaining the “plausibility” of cognitive skepticism and the denial of such comparability in the interests of everyday cognition, as well as a steady trend towards the wider use of context-independent standards. The place of context-dependent domain standards in the structure of cognitive norms of science, implemented by the researcher as part of the prerequisite knowledge, is considered, and their additional character in relation to invariant general scientific norms is substantiated. The irrefutable skeptical alternative in science is understood as the standard of a different, autonomous subject area, and the area or context of any research is chosen by the researcher voluntarily, although the possibility of taking into account non-cognitive factors in the selection is always open. Thus, the emergence of an alternative hypothesis about parallel lines led, as is known, to the emergence of non-Euclidean geometry: similarly, the hypothesis of “being a brain in a vat (BIV)” can find application within the boundaries of non-empirical scientific philosophy.

Keywords: epistemology, skepticism, invariantism, contextualism, standard, scientific cognition

For citation: Yartsev RA. On invariantism and contextualism of cognitive science standards. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2025;(1(495):88-98. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-495-1-88-98.

Введение

В статье обсуждается спор между *инвариантизмом* и *контекстуализмом* как направлениями аналитической философии. Первое из них защищает существование набора строгих эпистемических стандартов, приводя к скептицизму в отношении знаний. Второе же направление полагает, что такие стандарты различны и выбираются в зависимости от контекста, в котором решается вопрос о знании [16, с. 187, 192]. П. Ангер попытался обосновать «равноправие» данных направлений, выдвинув гипотезу о семантической относительности их позиций [26, с. 10, 20, 33–37], которая, однако, была отвергнута с обеих сторон [16, с. 187, 193].

Мы же предлагаем альтернативное решение в виде *принципа дополнительности* двух подходов в познании, истинность которого доказывается для науки путем обоснования двух положений: 1) современные версии инвариантизма и контекстуализма не удовлетворяют когнитивным нормам научного познания; 2) наука уже давно и успешно применяет оба подхода. Наши доказательства опираются на авторскую концепцию *рационального скептицизма*, предложенную ранее в качестве философского базиса науки.

Авторский подход

Участники рассматриваемого спора удивительным образом игнорируют вопрос о том, как соотносятся отстаиваемые ими стандарты с известными когнитивными практиками. Например, привязывая каждый эпистемический стандарт к контексту разговора познающих субъектов [15, с. 914], контекстуалисты даже не пытаются эксплицировать какие-либо разговорные нормы,

и вынуждены признать, что познание может обходиться как без диалоговой формы приобретения, так и без вербальной репрезентации знаний [11, с. 12]. Если бы они применили общий контекстуальный подход ко всему познанию, рассматривая последнее в контекстах различных когнитивных практик, то убедились бы в действии принципа дополнительности, поскольку эпистемические нормы каждой практики внутри нее применяются инвариантно. Поэтому для обоснования данного принципа нам остается доказать, что в границах науки инвариантизм органично дополняется контекстуализмом.

Согласно рациональному скептицизму, инвариантные нормы науки синтезируются *универсальным научным методом*, выступающим в качестве обязательного стандарта любого исследования. Однако он регулирует лишь процесс установления истины в когнитивном аспекте науки, оставляя без внимания организационный ценностный отбор знания, благодаря чему в качестве научного легитимируется также любительское знание, которому недостает социально-практической значимости. Применение метода поддерживает такие принципы науки, как веритизм, эвиденциализм, интернализм и скептицизм [9, с. 35–36, 39]. При этом скептицизм внутри исследования ограничивается *предпосылочным знанием* как непротиворечивым множеством предпосылок, принятых познающим субъектом, тогда как к результатам исследования применяется неограниченный, *радикальный скептицизм*, который означает возможность их дальнейшего уточнения или пересмотра, выражая тем самым недостижимость идеала абсолютного знания в науке [7, с. 46].

Оспариваемая позиция

Современные аналитические философы обычно считают скептицизм угрозой познанию, так как он ведет либо к «исчезновению» знаний [21, с. 566], либо к «систематической лжи» об обладании ими [17, с. 46]. Пусть, например, некий субъект претендует на эмпирическое знание того, что (а) у него есть руки, предъявляя их, согласно Д. Муру, в качестве доказательства. В ответ выдвигается альтернативная скептическая гипотеза о том, что (б) он может быть бестелесным «мозгом в чане» (BIV), ощущения которого вызваны компьютерной программой. Без доказательств субъект не может опровергнуть (б), и, согласно эвиденциализму науки, ему нельзя приписать знание того, что (в) он — не BIV. Однако это фальсифицирует знание (а), поскольку (в) следует из (а) согласно принципу *эпистемического замыкания* (Closure) науки: если S знает, что P, и знает, что из P следует Q, то S знает, что Q [1, с. 150]. Следовательно, знание (а) «исчезает».

Поскольку устранить из познания скептицизм рационально-логическим путем науки нельзя, то инициаторы его устранения либо отказываются от веритизма (прагматизм, дефляционная теория истины и др.), либо ограничивают эвиденциализм познания: так, теория надежности (релей-абиллизм) допускает, что знание субъекта может зависеть от недоступных ему внешних факторов [4, с. 139]. Однако, противопоставляя скептицизм представлениям здравого смысла о знаниях, современные философы все же признают его значимость для эпистемологии и предлагают разделять «скептические» и «нескептические» познавательные контексты, в которых либо действуют различные стандарты, либо действие инвариантного стандарта обуславливается влиянием контекстно-зависимых некогнитивных факторов, таких как практические интересы субъекта [19, с. 25, 188]. Ясно, что данные решения либо искажают когнитивный стандарт науки в «нескептических» контекстах, либо вообще поддерживают вывод научного знания из организационных причин.

С нашей же точки зрения роль скептицизма в науке, прежде всего, позитивна, потому что любое научное знание он лишает абсолютной достоверности, не допуская образования догм. Это также выравнивает когнитивную ценность предпосылочных знаний, обеспечивая свободу выбора исследовательского базиса и достижение автономии исследования от некогнитивных цен-

ностей. Проведение же исследования становится возможным благодаря временному ограничению скептицизма допущением об истинности предпосылочного знания. И, наконец, скептицизм соответствует *познавательному* здравому смыслу, направленному на установление истины во всей ее полноте и достоверности. Если же последний при этом вступает в противоречие с *практическим* здравым смыслом, стремящимся к успеху в делах, то вступает в действие *принцип первенства практического разума*, когда дальнейшее проведение исследования блокируется через предпосылочное знание, выбираемое в угоду практическим нуждам [6, с. 194–5].

Критика инвариантизма

Классический инвариантизм (CI), объясняющий достижение знания исключительно когнитивными факторами, поддерживает интеллектуализм. Он известен в двух видах: скептический CI «очень высоких» и нескептический CI «относительно низких» стандартов знания [18, с. 915–6]. Понятно, что нескептический CI прямо противоречит радикальному скептицизму науки. Скептический же CI пытается нейтрализовать «угрозу» скептицизма, возникающую вследствие «высоких» требований к знанию, теми способами, о которых говорилось выше. Например, используя «маневр обоснованной утверждаемости» (WAM), который позволяет заменять «высокий» инвариантный стандарт знания менее требовательными контекстуальными стандартами обоснованности утверждений о знании, полезными в тех или иных обстоятельствах [17, с. 43, 45] [16, с. 195]. Подобная замена, однако, выводит «полезные» знания за пределы научного веритизма, устраняя, в частности, значение любительской науки для обоснования повседневной деятельности. При этом контекстуализм не отрицает, а лишь реформирует WAM, дополняя его в условиях двузначной логики разговорным правилом «утверждай сильнее», если знающий о P субъект утверждает лишь «возможно, что P» [16, с. 196]. Однако нечеткая, трехзначная логика науки и без WAM запрещает замену истинного значения неопределенным, выражающим так называемый *явный сдвиг* исследуемого вопроса [7, с. 157–159]. Подобный сдвиг как раз и является эпистемическим аналогом приостановления судебного решения, которого, как утверждается, не существует [20, с. 13, 144].

В отличие от CI, «субъектно-чувствительный» инвариантизм (SSI)¹ расходится с интеллектуа-

¹ Также IRI — «инвариантизм относительно интересов» [23, с. 84].

лизмом, утверждая, что на достижение знания также влияет некогнитивный фактор важности для актуальных практических интересов субъекта: чем «выше ставки», тем более убедительными должны быть доказательства, сила которых «измеряется» вероятностным способом [23, с. 6, 85, 88, 106]. Рассмотрим, например, два случая²:

1. Супруги А и В хотят пополнить счет наличными, но в банке очередь. А предлагает внести деньги завтра. Тогда В говорит, что завтра суббота и, возможно, банк будет закрыт. На что А возражает: «Он будет открыт до полудня. Я знаю, потому что был здесь в позапрошлую субботу».

2. Затем В напоминает, что деньги обязательно внести до воскресенья, иначе будет просрочен важный взнос по кредиту. На что А, не сомневаясь в своей правоте, реагирует уже иначе: «Тогда не знаю. Давай зайдем и уточним».

Согласно SSI, во втором случае возросшая «цена ошибки» превращает гипотезу о завтрашнем открытии банка в «серьезный практический вопрос», когда увеличиваются требования к имеющимся доказательствам, которые уже не опускают вероятность альтернативных утверждений до приемлемой величины, поэтому возможность закрытия банка в субботу теперь нельзя игнорировать без получения дополнительных доказательств. Для преодоления скептицизма Д. Стэнли предлагает разъяснить понятие «серьезного практического вопроса» так, чтобы скептические гипотезы оказывались подобными вопросами лишь для эпистемологов: признавая сложность этой задачи, он удовлетворяется тем, что контекстуализм справляется со скептицизмом не более эффективно [23, с. 126, 130].

Однако, силу научных доказательств нельзя «измерить» при помощи вероятностей, которые в условиях интернализма могут быть вычислены лишь на основе некоторой статистики, часто неполной и изменчивой, а иногда и вовсе неизвестной. Так, в приведенном примере А и В не знают процент открытых по субботам банков ни в населенном пункте, ни в области, ни в банковской сети, а во всех этих случаях вероятность прогноза на открытие их банка различна. Но даже будучи известной, такая вероятность используется в науке не для доказательства истинности прогноза, а для оценки степени риска решений, принимаемых на его основе. Причем и в случае стопроцентной статистики «за» или «против» ис-

следуемой гипотезы не исключены форс-мажорные обстоятельства, например, прорыв канализации в банке, отменяющие любой статистический прогноз: подобные проблемы широко обсуждались в связи с индукцией [20, с. 130]. Кроме того, нет никакого смысла измерять когнитивную силу научных доказательств за отсутствием степеней убедительности: если исследование завершено, все доказательства получены и некоторая истина обоснована, то сила доказательств имеет максимум, а если оно еще продолжается, то никакие отдельные доказательства «не имеют заранее установленной силы», как гласит аналогичный принцип судопроизводства³. Убедительность доказательств в науке вообще не зависит от уверенности исследователя в истинности принимаемых положений и выводимых заключений, являющейся чисто «техническим» чувством: например, при рецензировании работ можно проверять правильность выводов, не соглашаясь с принятыми допущениями. Таким образом, в дискуссии по поводу «убеждения» и «принятия» мы склоняемся к точке зрения Л. Козна [3, с. 13] с той разницей, что «принятие» не требует от исследователя вообще никаких причин для выбора предпосылочного знания.

Далее, хотя практический интерес и может стимулировать к выбору или возобновлению исследования актуальных прикладных задач, но никак не влияет на содержание используемых при этом когнитивных норм, поскольку некогнитивные факторы по определению не участвуют в обосновании истины через логический вывод из принятых предпосылок, а иной путь обладания знанием в науке исключен. Так, фактор важности срочной уплаты взноса в примере с банком, безусловно, мотивирует супругов продолжить исследование, но от него не зависит доказательство работы банка по субботам. И, в частности, «повышение ставок» не ужесточает требований к искомому доказательству: ведь новые альтернативные гипотезы могут появляться или отсутствовать при любых внешних условиях в зависимости от воображения. Аналогичным образом практические интересы истца или ответчика не могут изменить ни порядок рассмотрения дела в суде, ни содержание используемых при этом правовых норм. Наконец, научное знание не имеет альтернатив, которые допустимо игнорировать по практическим причинам: ведь, в соответствии

² По [19, с. 1].

³ Об аналогии между судом и наукой см. также [8].

с эвиденциализмом науки, наличие хотя бы одной неопровергнутой альтернативы исключает признание любой исследуемой гипотезы научной истиной на выбранном множестве предпосылок.

Критика контекстуализма

Контекстуализм также существует в двух основных формах — «субъектной» и «атрибуторной» — в зависимости от того, чей контекст определяет применяемые когнитивные стандарты: самого познающего субъекта или *атрибутора*, приписывающего субъекту знание или незнание [16, с. 190]. Различие форм проявляется в том, что некогнитивные факторы оказывают влияние не на получаемое знание, а на его атрибуцию, т. е. на решение вопроса об обладании субъектом знанием в контексте связанной с атрибутором практической ситуации⁴. Так, в случае первого примера с банком практические интересы супругов позволяют атрибутировать А знание об открытии, а во втором случае — уже нет, потому что требовательность эпистемических стандартов в этом контексте повысилась. Поэтому современные контекстуалисты придерживаются атрибуторной формы [11, с. 153], считая, что в отличие от субъектного контекстуализма и SSI она поддерживает интеллектуализм [19, с. 198].

Однако введение в процесс познания атрибутора, «чувствительного» к практическим факторам, не «разгружает» от этой зависимости субъекта, поскольку сразу же возникает вопрос о компетентности атрибуции. Ведь ясно, что если атрибутор не в курсе применяемых субъектом стандартов, например, иной когнитивной практики, то он и не скажет ничего определенного о знании этого субъекта. Следовательно, атрибуция знаний имеет смысл лишь тогда, когда атрибутор обладает собственным знанием по вопросу: для научного познания это означает, что он должен выполнить *альтернативное исследование*, проверяющее доказательства субъекта и в итоге подтверждающее, дополняющее или опровергающее проверяемое знание. Но это означает, что атрибутор сам становится познающим субъектом и для устранения зависимости его знаний от практических факторов потребуется новый атрибутор. Таким образом, атрибуция вырождается в бесконечный процесс, возвращая атрибуторный контекстуализм к прежнему, «субъектно-чувствительному» взгляду на роль контекстов в познании.

Контекстуализм обнаруживает и другие недостатки SSI. Так, П. Бауманн и С. Коэн при-

меняют *вероятностный подход*, допуская экстерналистское определение вероятности [11, с. 34], [14, с. 19], а К. Дероуз вводит понятие *силы эпистемической позиции* субъекта, зависящей от его доказательств и влияющей на содержание, но не на истинность производимой атрибуции знания. Истинность же последней определяется контекстуальными стандартами, регулирующими величину силы эпистемической позиции, позволяющей атрибутировать знание. При этом независимость данной силы от стандартов обосновывается существованием «сравнительных фактов»: например, о том, что кто-то выше или ниже ростом, можно судить по опыту, не зная единиц измерения. В итоге обладание знанием теперь будет зависеть не от инвариантных к атрибутору доказательств субъекта, а от вариативных к субъекту контекстов атрибуции и их стандартов. Так, случай второго банковского примера соответствует контексту с более требовательным стандартом, поэтому А здесь уже нельзя приписать знание, несмотря на то, что сила его эпистемической позиции в обоих случаях одинакова [19, с. 2, 7–9]. Однако истина в науке неотделима от знания, поэтому данное решение, придающее научным доказательствам заранее заданную эпистемическую силу, которая к тому же не зависит от истинности нормативных предпосылок исследования (например, нормы достоверности наблюдения «сравнительных фактов»), нарушает действующий здесь веритизм. Кроме того, оно рассчитано на применение в условиях экстернализма [11, с. 12] [2, с. 176], не предполагая, что субъекты науки могут расходиться в своих оценках силы исследуемых доказательств.

Рассмотрим теперь теорию «релевантных» или «значимых» альтернатив (RA), к которой контекстуалисты прибегают ради сохранения знаний в «нескептических» контекстах, потому что она позволяет отклонять скептические гипотезы без содержательного рассмотрения, объявляя их «нерелевантными». Поддерживая эту теорию, Ф. Дретцке и Р. Нозик даже отказались от принципа эпистемического замыкания: антинаучность такого решения была столь очевидна, что К. Дероуз даже назвал его последствия принятием «безобразной» противоречивой конъюнкции [17, с. 28]. Антинаучен и сам способ отклонять альтернативные гипотезы без опровержения, поэтому RA справедливо причисляется к неэвиденциалистским теориям [20, с. 153].

⁴ См., например, [19, с. 188], [11, с. 21].

Примером RA могут служить правила Д. Льюиса, которые, в частности, запрещают атрибутору игнорировать в качестве значимых альтернатив ряд таких возможностей, как:

- реальные возможности, возникающие у субъекта атрибуции, даже если они неизвестны самому субъекту (*правило действительности*);

- возможности, в которые субъект верит или должен верить с достаточно высокой степенью убежденности, например, в зависимости от «величины ставок», причем допускаются и обоснованная истинная вера без знания, и знание без обоснования (*правило веры*);

- возможности, похожие на другие, значимые возможности, за исключением скептических гипотез, напоминающих действительность в отношении имеющихся у субъекта доказательств (*правило сходства*);

- возможности, на которые исследователь уже обратил внимание (*правило внимания*)⁵.

Можно видеть, что первые два правила допускают экстернализм, поскольку апеллируют к «истинному положению дел», которое может быть неизвестно как субъекту, так и атрибутору: им «может следовать только бог» [12, с. 170]. Кроме этого, второе правило учитывает степень убежденности, не предлагая однозначных методов ее измерения, обуславливает ход исследования практическими причинами и не требует от знания доказательства истины. А третье правило, хотя и зависит уже от когнитивной деятельности атрибутора, но не предлагает четкого алгоритма исключения значимости скептических гипотез и, как показал С. Коэн [13, с. 300], оставляет нерешенной *проблему Геттиера*, состоящую в том, что условие обоснованного истинного убеждения не всегда достаточно для получения знания⁶. Единственным же правилом Д. Льюиса, заслуживающим одобрения с позиций науки, представляется «правило внимания», которое является не нормой когнитивного поведения, а объяснением его природной ограниченности, не позволяющей гарантировать полный перебор альтернативных гипотез.

Чтобы сохранить значимость скептицизма в контекстах с требовательными стандартами, К. Дероуз вводит «правило чувствительности»: утверждение о знании субъектом S положения

P, «если это необходимо», повышает стандарты знания до такого уровня, чтобы убеждение S в P было чувствительным (когда S не поверил бы в P, если бы P было ложным). А поскольку убеждение в ложности любой скептической гипотезы P* нечувствительно (например, S все равно бы верил, что он – не BIV, даже если бы был им), то по правилу чувствительности эпистемическая позиция S недостаточно сильна, чтобы атрибутировать ему знание P*. Это объясняет нашу интуицию, что S не знает P*, но не путем опровержения P*, а через придание значимости противоположному утверждению объявлением его «нечувствительным»: следовательно, P* также становится значимой альтернативой по отношению к утверждениям, против которых она может быть выдвинута (например, «у S есть руки»). Такое объяснение сохраняет принцип эпистемического замыкания, «не встраивая требование чувствительности в саму концепцию знаний». Однако контексты обыденных разговоров, когда скептические гипотезы не предъявляются и действуют нетребовательные стандарты, составляют исключение, поскольку позиция S достаточно сильна, чтобы атрибутировать ему знание ложности таких гипотез: следовательно, любая P* в качестве альтернативы утверждениям контекста становится незначимой [17, с. 36–40].

Ясно, что в «обычных» контекстах правило чувствительности не применяется: однако если познание, в принципе, не требует чувствительности, то непонятно, зачем оно вообще в ней нуждается [24, II]. Добавим, что к научному познанию понятие чувствительности неприменимо, поскольку здесь вполне можно верить в истинность положений, которые позднее будут опровергнуты. Кроме того, наука предписывает S верить в любую возможность, которая не исключена имеющимися у него доказательствами. Например, даже если в обыденной жизни S верит, что он — не BIV, то в научной дискуссии ему придется допустить обратное вне зависимости от того, кем он является «на самом деле»: поэтому утверждение о нечувствительности убеждений в ложности скептических гипотез для науки несостоятельно. Таким образом, в скептических контекстах чувствительность не связана с истинностью значимых гипотез для подтверждения

⁵ [21, с. 554–559].

⁶ Решение, которого придерживается сам С. Коэн, опирается на экстернализм, как и критикуемое нами решение проблемы Геттиера в *эпистемологии добродетелей* [9, с. 49]. Наше же решение проблемы отвечает интернализму науки [10, с. 16].

знаний, а в обычных — с ложностью незначительных гипотез в качестве средства фальсификации, что одинаково нарушает нормы веритизма и эвиденциализма науки.

У контекстуализма есть и отмеченная выше проблема «исчезновения» знаний при переходе из обычного контекста в скептический: например, занявшись эпистемологией, контекстуалист не сможет защитить свое «обыденное» знание от появившихся скептических гипотез, игнорировать которые ему будет нельзя ни по правилу внимания Д. Льюиса, ни по правилу чувствительности К. Дероуза, ни согласно принятым общенаучным нормам. Поэтому для науки справедливо, что «бесчувственное», «невысказанное» знание, не имеющее отношения к вопросу об истине и «исчезающее» всякий раз, когда только поднимается этот вопрос, может считаться знанием лишь номинально [24, II]. Кроме того, даже явное знание может создавать трудности для правила чувствительности. Ведь недостаточно компетентный атрибутор, который не в курсе всех особенностей ситуации и доказательств субъекта, не сможет повысить эти стандарты адекватно контексту, чтобы обеспечить необходимую чувствительность оцениваемых убеждений, в результате чего атрибуция знания может оказаться ошибочной.

Для устранения перечисленных недостатков Б. Брогаард предлагает применять правило чувствительности лишь в тех случаях, когда атрибутор всерьез ставит под сомнение доказательства, которыми субъект располагает для своей веры в P. Иные же контексты должны разрешать атрибутировать субъекту знание без отслеживания истины, если его убеждение правильно выводится из убеждений, удовлетворяющих *условию индикатора*. Данное условие для экстернализма является более слабым, чем условие истинности, совпадая с требованием безопасности по Э. Созе: «убеждение безопасно только в том случае, если оно не могло быть ложным, учитывая причины, на которых оно основано»⁷. Например, в обычных контекстах при низких стандартах имеются веские эмпирические причины считать, что у S есть руки. Не сомневаясь в этом, нельзя сомневаться также и в том, что S — не BIV: но тогда условие индикатора и принцип эпистемического замыкания позволяют атрибутировать в качестве знания нечувствительное убеждение «S — не BIV». Однако если у атрибутора появятся искренние со-

мнения в том, что у S есть руки, правило чувствительности повысит стандарты, и для атрибуции знания уже потребуется обоснование истинности путем опровержения альтернативной гипотезы «S — BIV». Тем самым меняется значение слова «знать», так что «знания при обычных низких стандартах и знания при повышенных стандартах — это разные виды знаний» [12, с. 378–381].

Предложенные новации, безусловно, приближают контекстуализм к соблюдению норм научного познания: отныне правило чувствительности требует от атрибутора компетентности, норма эвиденциализма распространяется и на обыденные контексты, а также допускается различное предпосылочное знание с различными результатами атрибуции. К сожалению, даже при повышенных стандартах «чувствительности» знаний все равно придется выбирать между догматизмом и скептицизмом в отношении суждений атрибуции, либо позволяя объявлять знанием ошибочные суждения, либо признавая неразрешимость скептической проблемы. При обычных же стандартах сохраняется отказ от веритизма, поскольку условие индикатора снимает вопрос об истинности первого из убеждений логической цепи, полагая его «нечувствительным». Вследствие этого остается неясной когнитивная ценность приобретаемых знаний, которая бы оправдала необходимость упражнений атрибутора в логическом выводе.

Однако, пожалуй, главная проблема контекстуализма заключается в сопоставимости стандартов, относящихся к различным контекстам атрибуции. Ясно, что если атрибутор компетентен в таких стандартах и может правильно судить об их применении в соответствующих контекстах, то стандарты сопоставимы, а контексты «открыты» для такого атрибутора: в противном же случае можно говорить о несопоставимых стандартах и «закрытых» контекстах. При этом контекстуалистское решение проблемы скептицизма, повышающее требовательность стандартов в «скептических» контекстах, отражает точку зрения «открытых», но не «закрытых» контекстов [11, с. 130]. Однако если атрибутор компетентен и способен попеременно выступать как в качестве специалиста, так и в качестве субъекта обыденного познания, то каким образом объяснить необходимость снижения требовательности стандартов при переходе к обычным контекстам?

На данную «асимметрию» ранее указал Д. Льюис, отметив, что «по какой-то причи-

⁷ См. также [4, с. 101].

не повышение стандартов проходит более гладко, чем понижение» [22, с. 252]. Такой причиной нам видится веритизм, требующий от познания приближения к истине, а не удаления от нее, связанного с заблуждением. Поэтому П. Ангер, на наш взгляд, ошибается, когда ставит понятие «знать» в один ряд с такими «абсолютными» терминами, как «плоский» [25, с. 57, 62]: аналогия между ними лишь частична, потому что только во втором случае могут быть желанны как стремление к идеалу, так и удаление от него. Более успешно защищать снижение требовательности стандартов позволяет позиция «закрытых» контекстов, стандарты которых несопоставимы для атрибутора, но тогда контекстуализм становится беспомощным перед скептической проблемой, на решение которой он равным образом претендует, т. е. для него возникает *неразрешимая дилемма*. Сказанное иллюстрируется взглядами К. Дероуза. Сначала, чтобы изложить свое решение скептической проблемы, он принял «благоприятную для скептиков» позицию «открытых» контекстов [17, с. 6, 33]. Но когда оппоненты стали говорить об опровержении обыденного знания в таких контекстах, он уже перешел на позицию «закрытых» контекстов. И вдруг оказалось, что повышение стандартов истинности не отменяет знаний субъекта, если его эпистемическая позиция не ослабла, а отрицание обыденного знания при переходе в «скептический» контекст связано не с пересмотром истинности в ходе атрибуции, а с ошибочной «проекцией» атрибутором своего «незнания» на «знание» субъекта [18, с. 97, 215, 234]. Интересно, сознавал ли автор, что его желание «усидеть на двух стульях» не менее «безобразно» своей противоречивостью, чем критикуемая им конъюнкция Р. Нозика? Вероятно, да, потому что в итоге К. Дероуз не претендует на построение теории познания, дважды и дословно подчеркнув, что «даже по обычным меркам» не уверен в правильности своего решения проблемы скептицизма [18, с. 114, 131, 266] и тем самым фактически согласившись со своими критиками.

Для последующего обоснования принципа дополнительности важно отметить, что контекстуалистский подход не может быть реализован без опоры на инвариантизм в отношении ряда стандартов. Это, прежде всего, стандарт, регламентирующий множество контекстов атрибуции, возможность их изменения и контекстуальную зависимость эпистемических норм, а также вводимые дополнительные правила, независимо

от контекста нормирующие значимость альтернатив, чувствительность убеждений и т. п., развитие которых обнаруживает тренд к расширению «инвариантной» части стандартов контекстуализма. При этом о дополнительности контекстно-зависимых стандартов свидетельствует еще феномен «семантической слепоты», когда, согласно контекстуализму, может создаваться видимость логического противоречия суждений атрибуции, относящихся к различным контекстам [1, с. 146]. Ведь противоречие суждений вполне может оказаться реальным вследствие ошибок, допущенных в ходе применения фиксированного эпистемического стандарта. Следовательно, необходимость объяснения «семантической слепоты» средствами контекстуализма возникает не ранее самого факта «видимости» противоречия, который является результатом проверки суждений на соответствие инвариантной норме логической непротиворечивости.

Принцип дополнительности

Широко известно, что по общности применения когнитивные нормы науки делятся на *общенаучные* и *частнонаучные*. Совокупность первых демаркирует научное познание и претендует на интерсубъективное применение: даже если отрицать возможность интеграции этих норм в универсальный метод, то все равно необходимо признать, что существуют отдельные общенаучные нормы, такие как доказательность и непротиворечивость научного знания. Применение же норм второго вида обязательно лишь в конкретной сфере познания, где они создают интерсубъективную основу для дискуссий специалистов. Частнонаучные нормы могут противоречить друг другу, что не является для науки проблемой, если их предметные области познаются автономно. Так, аксиома о единственной параллельной прямой успешно применяется в евклидовой и отрицается в неевклидовой геометрии, а различие в стандартах высокого роста дошкольников и баскетболистов не препятствует проведению медосмотра как тех, так и других. При этом ясно, что общенаучные нормы соответствуют инвариантистскому, а частнонаучные — контекстуалистскому подходу, поскольку последние применяются в контексте той или иной предметной области. Возможность же смены контекста в ходе познания, например, когда после осмотра в детском саду врач переходит в школу баскетбола, свидетельствует о том, что именно вариативная часть когнитивных стандартов науки дополняет инвариантную, но не наоборот. Каким же

образом подобная дополнительность помогает справиться с обозначенной контекстуалистами проблемой скептицизма?

Наш ответ таков: путем включения в предпосылочное знание когнитивных норм исследуемой предметной области. Например, чтобы вычислить сумму углов треугольника, математик должен решить, в какой системе — евклидовой или неевклидовой — это предстоит сделать, после чего принять соответствующую версию аксиомы о параллельных прямых. Аналогично и философ науки должен выбирать между эмпирической и неэмпирической философией, принимая, с поправкой на возможные ошибки наблюдения, либо достоверность, либо фиктивный характер опытных данных. В первом случае принятая предпосылка будет опровергать гипотезу о BIV, а во втором — уже эта гипотеза опровергнет наличие рук, и в обоих случаях норма непротиворечивости выполняется. Подобным же приемом *сужения* исследуемой области можно пользоваться для отклонения нескептических альтернативных гипотез, сознавая возрастающий риск пересмотра установленного знания: так, в примере с банком можно принять предпосылку о том, что за истекшие две недели время работы банка не изменялось. Не возникает проблем и с атрибуцией знаний: если доказательства субъекта были опровергнуты атрибутором, применившим в собственном исследовании те же когнитивные нормы, то субъекту атрибутируется незнание, и данную ситуацию нельзя интерпретировать фразами вида «раньше субъект знал, а вот теперь не знает», потому что когнитивная ценность переходит от опровергаемого знания к опровергающему. Если же при этом нужно приписать субъекту обладание знанием в прошлом, то прибегают к фразам, подчеркивающим неадекватность его прежних представлений (например, «он считал, что знает, но это не подтверждается»), которые К. Дероуз считает проблемными [19, с. 165, 170].

Осталось рассмотреть еще один важный вопрос, который аналогичен проблемному для контекстуалистов вопросу о понижении сопоставимых стандартов: как сужение предметной обла-

сти через предпосылочное знание согласуется с веритизмом науки, направляющим исследования на достижение наиболее полной истины? К сожалению, обилие повседневных дел и человеческие ограничения оставляют нам не так много возможностей для поисков ответа на возникающие вопросы, поэтому приходится каждый раз выбирать, в какую сферу инвестировать свои познавательные усилия. Но такой выбор не сужает предметную область будущих исследований, оставляя надежду на то, что наука когда-нибудь сможет однозначно ответить даже на скептические гипотезы. Также и наши практические установки, заставляющие предпочитать более актуальные задачи менее актуальным, не вредят веритизму, поскольку, как уже было показано, они не влияют на нормы науки и оставляют открытым вопрос об истинности предпосылочного знания. В результате теоретический разум, направляемый практическим, стремится к знанию «всего обо всем» через промежуточный идеал знания «всего об одном». Евклидова геометрия, например, превосходит свои альтернативы соответствием эмпирическому опыту и практической ценностью, поэтому не удивляет, что она возникла первой, изучается в школе и продолжает оставаться для многих предпочтительной областью. По тем же причинам в аналитической философии, как мы считаем, аналогичное место должно быть отведено *философии эмпирической*, оставляющей за доказательством Д. Мура силу логического обоснования.

Заключение

Таким образом, спор между инвариантизмом и контекстуализмом можно разрешить с помощью предлагаемого принципа дополнительности, необходимость которого для науки как одной из наиболее важных когнитивных практик была обоснована выше. При этом удастся ответить и на ряд вопросов, возникающих перед философией науки в связи с контекстуализмом [5, с. 79], например, показать, что наличие различных когнитивных контекстов не препятствует критериальному определению научной рациональности путем экспликации универсального научного метода.

Список источников

1. Галухин А. В. Атрибуторный контекстуализм в действии: стандартное решение головоломки скептицизма // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 8. С. 143–160.
2. Галухин А. В. Контекстуально-модальный анализ условий решения головоломки скептицизма // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 8. С. 168–188.
3. Галухин А. В. Рационально-прагматический акцептуализм Л. Дж. Коэна: проблема идентификации объектов деонтически-эпистемических оценок // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12. № 1А. С. 7–32. DOI: 10.34670/AR.2023.52.73.001.

4. Каримов А. Р. Эпистемология добродетелей: научная монография. СПб, Алетейя, 2019. 428 с.
5. Порус В. Н. Контекстуализм в философии науки // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2. 75–93. DOI: 10.5840/eps201855230.
6. Ярцев Р. А. Дуализм здравого смысла как основа научной рациональности // Аспирантский вестник Поволжья. 2015. № 3–4. С. 187–197.
7. Ярцев Р. А. Метод науки. Beau Bassin: LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2018. 205 с.
8. Ярцев Р. А. Научное исследование: «суд разума» или «эволюционный отбор»? // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Чита: Изд-во ЗабГУ. 2013. № 4 (51). С. 153–158.
9. Ярцев Р. А. Научное познание: эпистемология добродетелей vs рациональный скептицизм // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 32–52. DOI: 10.17506/26867206_2022_22_4_32.
10. Ярцев Р. А. Проблема Геттиера с позиций рационального скептицизма // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 7–24. DOI: 10.17506/26867206_2021_21_2_7.
11. Baumann P. Epistemic Contextualism: a Defense. New York: Oxford University Press, 2016. 265 p.
12. Brogaard B. Contextualism, Skepticism, and the Gettier Problem // Synthese. 2004. № 3. Vol. 139. P. 367–86.
13. Cohen S. Contextualist Solutions to Epistemological Problems: Scepticism, Gettier and the Lottery // Australasian Journal of Philosophy. 1998. Vol. 76. P. 289–306.
14. Cohen S. Knowledge, Context and Social Standards // Synthese. 1987. № 1. Vol. 73. Social Epistemology. P. 3–26.
15. DeRose K. Contextualism and Knowledge Attributions // Philosophy and Phenomenological Research. 1992. № 4. Vol. LII. P. 913–929.
16. DeRose K. Contextualism: An Explanation and Defense // Greco J., Sosa E. (eds.). The Blackwell Guide to Epistemology. Malden, Mass.: Blackwell Publishers, 1999. P. 187–205.
17. DeRose K. Solving the Skeptical Problem // The Philosophical Review. 1995. № 1. Vol. 104. P. 1–52.
18. DeRose K. The Appearance of Ignorance: Knowledge, Skepticism, and Context, Vol. 2. Oxford: University Press, 2017. 303 p.
19. DeRose K. The Case for Contextualism: Knowledge, Skepticism, and Context, Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 2009. 288 p.
20. Feldman R. Epistemology. Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 2003. 197 p.
21. Lewis D. Elusive Knowledge // Australasian Journal of Philosophy. 1996. Vol. 74. P. 549–567.
22. Lewis D. Scorekeeping in a Language Game // Journal of Philosophical Logic. 1979. № 8. P. 339–359.
23. Stanley J. Knowledge and Practical Interests. Oxford: Clarendon Press, 2005. 191 p.
24. Stone J. Skepticism as a Theory of Knowledge // Philosophy and Phenomenological Research. 2000. Vol. 60. P. 527–545.
25. Unger P. Ignorance: A Case for Scepticism (Clarendon Library of Logic & Philosophy). New York: Oxford University Press, 1979. 221 p.
26. Unger P. Philosophical Relativity. New York: Oxford University Press, 2002. 144 p.

References

1. Galukhin AV. Attributer contextualism in action: a standard solution to the skeptical puzzle. *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2015;(8):143-160. (in Russ.).
2. Galukhin AV. Contextualist modal analyses of the conditions of solving the skeptical puzzle (K DeRose's conception). *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2016;(8):168-188. (in Russ.).
3. Galukhin AV. Rational and pragmatic acceptanceism of LJ. Cohen: on the problem of identifying the objects of deontically-epistemic evaluations. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke*. 2023;12(1A):7-32. DOI: 10.34670/AR.2023.52.73.001. (in Russ.).
4. Karimov AR. Virtue Epistemology, St. Petersburg, Aleteya, 2019, 428 p. (in Russ.).
5. Porus VN. Contextualism in philosophy of science. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2018;55(2):75-93. DOI: 10.5840/eps201855230. (in Russ.).
6. Yartsev RA. The Dualism of Common Sense as the Basis of Scientific Rationality. *Aspirantskiy vestnik Povolzh'ya*. 2015;(3-4):187-197. (in Russ.).
7. Yartsev RA. Method of Science, Beau Bassin, LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2018, 205 p. (in Russ.).

8. Yartsev R.A. Scientific Research: “the Court of Reason” or “Evolutionary Selection”? *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, Chita, 2013;(4(51):153-158. (in Russ.).
9. Yartsev R.A. Scientific Knowledge: Virtue Epistemology vs Rational Scepticism. *Antinomies*. 2022;22(4):32-52. DOI: 10.17506/26867206_2022_22_4_32. (in Russ.).
10. Yartsev R.A. The Gettier Problem from a Position of Rational Skepticism. *Antinomies*. 2021;21(2):7-24. DOI: 10.17506/26867206_2021_21_2_7. (in Russ.).
11. Baumann P. Epistemic Contextualism: a Defense. New York: Oxford University Press, 2016. 265 p.
12. Brogaard B. Contextualism, Skepticism, and the Gettier Problem. *Synthese*. 2004;139(3):367-86.
13. Cohen S. Contextualist Solutions to Epistemological Problems: Scepticism, Gettier and the Lottery. *Australasian Journal of Philosophy*. 1998;76:289-306.
14. Cohen S. Knowledge, Context and Social Standards. *Synthese. Social Epistemology*. 1987;73(1):P. 3-26.
15. DeRose K. Contextualism and Knowledge Attributions. *Philosophy and Phenomenological Research*. 1992; LII(4):913-929.
16. DeRose K. Contextualism: An Explanation and Defense // Greco J., Sosa E. (eds.). *The Blackwell Guide to Epistemology*. Malden, Mass.: Blackwell Publishers, 1999a. P. 187-205.
17. DeRose K. Solving the Skeptical Problem. *The Philosophical Review*. 1995;104(1):1-52.
18. DeRose K. *The Appearance of Ignorance: Knowledge, Skepticism, and Context*, Vol. 2. Oxford: University Press, 2017. 303 p.
19. DeRose K. *The Case for Contextualism: Knowledge, Skepticism, and Context*, Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 2009. 288 p.
20. Feldman R. *Epistemology*. Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 2003. 197 p.
21. Lewis D. Elusive Knowledge. *Australasian Journal of Philosophy*. 1996;74:549-567.
22. Lewis D. Scorekeeping in a Language Game. *Journal of Philosophical Logic*. 1979;(8):339-359.
23. Stanley J. *Knowledge and Practical Interests*. Oxford: Clarendon Press, 2005. 191 p.
24. Stone J. Skepticism as a Theory of Knowledge. *Philosophy and Phenomenological Research*. 2000;60:527-545.
25. Unger P. *Ignorance: A Case for Scepticism* (Clarendon Library of Logic & Philosophy). New York: Oxford University Press, 1979. 221 p.
26. Unger P. *Philosophical Relativity*. New York: Oxford University Press, 2002. 144 p.

Информация об авторе

Р. А. Ярцев — доктор философских наук, профессор кафедры автоматизированных систем управления.

Information about the author

R. A. Yartsev — Doctor of Philosophy Science, Professor of the Department of automated control systems.

Статья поступила в редакцию 21.10.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 20.01.2025.

The article was submitted 21.10.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 20.01.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.